

Этo странно мне, почему я вдрут решил написать про свою речку Ивотку. Может это из-за воробейки? За моей спиной, на высоком шкафу стоит широкая клетка. В ней живёт воробейка с перебитым крылом. Пригрел я её. Удочерил. И вот, особенно по утрам она оглушительно чирикает, и скачет, и рвётся из клетки к своим друзьям, на волю, на законный простор...

Символом свободы принято считать орла. Наверное, потому, что птица это крупная. Красивая. Особенно, когда распластав крыла, невесомо парит в небесной выси. И каждый человек, задрав голову, может легко представить, какой малой несущественной запятой, он видится орлу с высоты. И нет у орла человеческих тяжких забот. И не выбирает орёл дорог. И волен орёл лететь куда хочет и когда захочет. Так кажется человеку. Вот поэтому человек и сделал эту хищную птицу символом свободы.

Но, скажу я вам, нет на свете более свободолюбивой птицы чем воробей. Может он и ростом в орла не вышел, и клюв у воробья покороче, чем у орла, и летает он пониже, и не публикуют воробьиный надменный профиль на гербах и монетах и всё же нет на свете более свободолюбивой птахи, чем воробей. Даже не спорьте.

Посадите воробья в клетку, и не будет птицы несчастней на всём белом свете. А орлы живут под колпачком, который напаяивает им на голову дрессировщик. И по приказу человека охотятся на зайцев. А попробуйте приказать воробью охотиться на зайца? Смешно? Смешно.

Ну, хорошо. Попробуйте надрессировать воробья взлетать с вашей руки и ловить вам мух? Или поднимать с пола и приносить вам хлебные крошки? Тоже смешно.

Зачем это я про птиц сейчас? Ну, ладно ближе к концу рассказа станет понятно. А теперь, как и обещал, про реки.

Все знают, что есть большие реки и малые. Большие реки воспевают большие художники. Но малые реки малые художники не воспевают. Потому что свет не видывал такого казуса, чтобы малый художник добровольно согласился считать себя малым. Поэтому малые художники тоже воспевают большие реки. Чтобы их причисляли к большим художникам. Экая незадача...

У каждого уважающего себя большого художника есть своя личная большая река, которую он старательно воспевает. Например, Гейне воспел Рейн, Штраус – Дунай, Пушкин – Неву, Шевченко, конечно, воспел Днепр, Гоголь тоже Днепр, а Волгу... ну, кто только не воспевал Волгу!

И, наверное, поэтому, все эти большие реки стали символами и простора, и свободы, и родины, и даже самой жизни. Но, как и орлы под колпачками, так и они, оплетенные

плотинами, крутят послушно турбины электростанций и носят на себе теплоходы. До тех пор, пока обязательно куда-то не впадут.

То есть, все эти прославленные реки где-то заканчиваются. Например, Волга впадает в Каспийское море. Днепр – в Чёрное. Нил впадает в Средиземное море. Правда, есть реки, которые никуда не впадают, а исчезают среди зыбучих песков или теряются в болотах. Но о них вообще не пишут. Таким рекам не повезло. Их можно обнаружить только на географических картах.

Хотя следует заметить, что существуют на свете отдельные, совсем уж странные реки. Которых нет ни на каких картах. Вот, возьмите, например, реку ля Гранж Бательер. Согласно легенде, она течёт под Парижской оперой и, по Виктору Гюго, никуда не впадает. Или вот жутковатая река Стикс. Куда она впадает, одному Богу известно. А это значит, что никому. Или вот – Лета. Река забвения! Таких странных рек на свете считанные единицы. И, казалось бы, к этому списку нечего добавить...

Но я возьму на себя смелость и добавлю. Я знаю ещё одну необычную речку, о которой до сих пор мало кто слышал. Речку под названием Ивотка. Ну что? Ведь не слышали? Теперь будете знать, что есть такая речка Ивотка. Так вот, несмотря на то, что в географических атласах нарисовано, будто она впадает в Десну, мне кажется, это враки. Ошиблись географы. Потому что в действительности Ивотка впадает прямо в рай...

А ещё, знаете, что странно? А вот что. У каждого человека есть своя первая река. Но начнёт человек рассказывать о своей родине, и перечислит тебе всё: колодец у ворот дома, тополь на углу улицы, рябину у калитки, а про реку и не вспомнит.

Уезжая в дальние края, человек почти никогда не говорит, что уезжает от реки. Опять же, чаще говорит, что уезжает из родного посёлка, города или даже страны. Да и там вдалеке, если и вспоминает родину, то обычно вспоминает родных и друзей, дом, или улицу, по которой бегал в детстве. А вот свою реку очень редко кто вспоминает...

А ведь если задуматься, то что такое родина без реки? Ну или хотя бы без ручья? Это, я вам скажу, всё равно, что человек без родины.

У меня тоже есть родина. А значит, и река. Если посмотреть на мою реку с высоты фотографического спутника, то она напоминает мизерную ниточку, серебрищуюся в лунном свете.

А ещё напоминает тонкую жилку, пульсирующую на виске. На сером от усталости виске земли. Виске планеты. Земля жива, пока эта жилка бьётся.

Как вы уже догадались, мою речку зовут Ивотка. Она у меня не так знаменита, как воспеваемые другими художниками большие реки. Не украшают её помпезные мосты и гранитные набережные. Не теснятся вдоль её берегов туристы с фотоаппаратами, словно фотографы из лакированных журналов у подиума, по которому бродит скучающая томная модель в вычурных туалетах. Но именно в этом прелесть моей речки. В этой простоте.

Моя Ивотка удивительно хороша и без мостов с набережными.

Петля между взгорками и кочками, она то скользит над песчаными мелями, то с тихим шелестом огибает рухнувшую с берега корягу, то протискивается сквозь склонён-

ные мокнущие ольховые ветви. А то и замрёт вдруг. Потому что здесь плёс! И именно тут речка обычно застывает, зачарованная зрелищем цветущих кувшинок.

Так вот, если вы застали Ивотку остановившейся и очарованной, поторопитесь рассмотреть беглянку. В следующее мгновение она обязательно заметит вас. Смутится, опомнится и вновь бросится бежать. И скроется, и растворится в лесной чаще.

Невозможно нежные губы телят шумно плямают её воду. Роняют с губ обратно в реку сверкающие на солнце капли. Грустные прекрасные телячьи очи отражаются в её воде. И уплывают. Уносимые течением. И сосны смотрятся в неё с берегов будто в зеркало. Внимательно. Серьёзно. А по ночам, сквозь разрывы в кронах деревьев, смыкающихся над Ивоткой подобно разрушенному своду кафедрального собора, смотрятся в неё звёзды. Или это не звёзды, все эти белые и цветные точки? А вдруг это некий хулиган тонкой иглой продырявил небесный свод и теперь сквозь него просвечивают другие, совсем нам незнакомые далёкие миры и галактики?

Честно говоря, в отдельных местах моя Ивотка так узка, что могла бы запросто сойти за ручей. Так узка, что и сам удивляюсь, как не растворилась она бесследно в полесских болотах. Нет, Ивотка обязательно бы сгнула в топях и мшарах, если бы не её упрямый характер и природная гибкость. Таких гибких речек, как моя Ивотка, вам не сыскать. Таких не найти на всей земле.

Вот пишу я про тебя, а ты опять качаешь меня на своих волнах. Помнишь, как тогда в детстве? На плоту. Помнишь? Я лежал на утлых досках и пялился в небо. Пялился до головокружения...

Или просто, войдя в воду, ложился на поверхность. И плыл по течению. Будто я и ты – что-то одно...

Так бы плыть и плыть. И не просыпаться.

Какая странная штука со мной происходит – один и тот же сон повторяется и повторяется. Нет, не скажу, что каждый день, но часто. Будто я подъезжаю к дому. Подъезжаю то на поезде, то на автобусе. То зимой, то летом. Иногда даже пешком. Подхожу по мелко-лесью, взгорками...

И такое щемящее чувство тоски и счастья меня охватывает по мере приближения к нему. Счастья – понятно, почему, но тоски... Тоски – потому, что я уже догадываюсь, что всё равно не приеду, не доеду, не дойду до посёлка.

Иногда уже видны окраинные домики. И я иду к ним. Но по мере приближения, сон утрачивает чёткость и становится хаотичным и расплывчатым. И я просыпаюсь. Просыпаюсь с ощущением потери. Но тяжесть утраты слагивается радостью, что всё-таки побывал на родине.

Тогда включаю свет и курю. Потом вновь пытаюсь заснуть. Но едва закрываю веки, как сон опять включается. Только на другом месте.

Вот раскатывает старушка вдоль берега речки дёрн, словно это ковёр. Запутались в его изумрудном ворсе алые земляничины. Они так пронзительно пахнут. Таких ароматов

не сыщешь на базарном прилавке или в самом дорогом магазине. Не нанюхаешь никогда. И сосны с трудом, поочередно выдёргивая из песка и глины свои натруженные корни, бредут друг за другом в предутреннем тумане.

И синеют у горизонта складки холмов и перелесков. Туда, в гости к Бабе Яге, наглые лисицы уносят непослушных детей.

И на душе делается тревожно.

И чтобы заглушить тревогу, шепчу: «Неси меня, река, за синие леса...»

И усыпаю. Хотя, я ведь и так уже сплю. Да, но теперь я усыпаю внутри сна. Я утопаю во внешнем сне, проваливаюсь сквозь него в другой, более глубокий сон...

И там, в глубине, я опять плыву по реке. Она покачивает меня. И там тоже ночь. И пряные остывающие запахи травы. И загадочное звёздное небо. Ничего, как будто не изменилось, но всё же здесь во всём другой смысл и значение. Будто теперь я понимаю: и этот лес зачем, и это небо звёздное почему... И так просто мне и легко с ними теперь говорить.

– Зачерпни в ладони моей водицы. – Сказала Ивотка, – Дождись, когда в ней отразится падающая звезда. Успей загадать желание. И оно сбудется.

– Но как трудно дожидаться звезду и успеть загадать. – Замечаю я, – Пока буду ждать звезду, вода просочится между пальцев. Как ни стискивай их. Капля за каплей. Капля за каплей.

– Не труднее, чем вернуться ко мне. Чем вернуться в детство... – прошептала река.

Так трудно удерживать в ладонях речку. Капля за каплей она просачивается меж пальцев. Сколько ни стискивай их...

04.10.1960 – эти цифры обозначают чей-то год и день рождения. Об этом знают все, потому что день рождения есть у всех.

52°04'44" с. ш. – 34°15'01" в. д. – а это место рождения моей реки Ивотки – координаты её истока. Он около Подлесных Новосёлок, Севского района Брянской области. Места там на удивление укромные и уютные.

Эх, речечка ты моя, Ивотка, воробышек ты мой любимый.